

ГАЛИНА ГОЛИЦЫНА

КОШКИ- МЫШКИ

УМНИЦА + КРАСАВИЦА
КНИГА 2

Умница + Красавица

Галина Голицына

КОШКИ-МЫШКИ

«Мультимедийное издательство Стрельбицкого»

Голицына Г.

Кошки-мышки / Г. Голицына — «Мультимедийное издательство Стрельбицкого», — (Умница + Красавица)

Тандем двух подруг, из которых одна – умная, другая – красивая, продолжает победное шествие. Умная Нина и красивая Генриетта вышли на самую высокую орбиту (см. «Конец света»). Нина сделала ставку на депутата Артура Корнеева, теневого олигарха. Все это время она пыталась превратить его в первое лицо государства. И что же?! В итоге господин теневой император, лениво позевывая, сообщил о своем нежелании бороться за президентское кресло. Не созрел, видишь ли!.. А спустя несколько дней его прикончили. Чуть позже и самой гениальной пигалице передали приветик от криминальных структур: стукнули по голове и сильно подпортили скромную внешность. Сделав пластическую операцию, Нина решает спрятаться от злоумышленников в глухом лесу и на досуге подумать о мести и триумфальном возвращении...

© Голицына Г.
© Мультимедийное издательство
Стрельбицкого

Содержание

Книга 2	5
Конец ознакомительного фрагмента.	15

Галина Голицына

Кошки-мышки

Книга 2

После многочисленных приключений я и моя подруга Женя (вообще-то она Генриетта) стали девушками весьма состоятельными. А если точнее, то состоятельной стала Генриетта. Мне же удалось по-настоящему разбогатеть.

А всё почему? Да потому, что Боженька всех своих чадушек малых хоть чем-то, да оделяет.

Генриетте он с избытком отсыпал красоты и стати: античная богиня модельной внешности и такого же роста. Золотисто-медные кудри, изумрудные глаза, губки-вишенки... Бедные, бедные мужчины! Им обычно ничего не остаётся другого, только сдаться на милость победительницы. Однако победительница особо милостивой как раз и не бывает: свою любовь она продаёт, причём весьма дорого.

Меня же Бог красотой обделил. Я мелкая, щуплая, волосы у меня мышинового цвета с лёгким оттенком пожухлой листвы. Одним словом, невзрачнейшая я.

Думаю, Создатель, создав меня, страшно смутился, обнаружив столь явный брак, и в качестве бонуса оделил меня недюжинным, ясным и весьма изворотливым умом. Так что я с самого детства, как птица-говорун, отличаюсь умом и сообразительностью.

Поэтому не красавице Генриетте, а мне, серенькой и невзрачной, удалось стать верной боевой подругой народного депутата Артура Корнеева, главы не последнего по значимости парламентского комитета, фактического владельца заводов, газет, пароходов, крутого контрабандиста и мультимиллионера.

Он соблазнился моей сообразительностью и изобретательностью, достаточно быстро понял, какой же я на самом деле клад для его нелегального бизнеса.

Я очень быстро перебрала на себя большинство функций в его ладно скроенном, крепко сшитом бизнесе. Для большего удобства мне пришлось переехать жить в его милый особнячок в тихом историческом центре Киева.

Неожиданно мне самой понравилось играть в замужнюю даму.

– Везёт же тебе, Ниночка, – вздыхала Женя, искренне радуясь нашей идиллии.

Причём идиллия была не показной.

Семейная жизнь оказалась занятием чрезвычайно увлекательным. Иметь рядом с собой человека, равного тебе по интеллекту, честолюбию и прочим параметрам – ну, это, я вам доложу, – нечто! И тысячу раз правы древние мудрецы, догадавшиеся, что любовь – это не когда два человека смотрят друг на друга, а когда они оба смотрят в одном направлении.

Мы с Артуром глядели в Наполеоны. Оба. То есть он хотел править миром, а я собиралась быть при нём «серым кардиналом». Страна должна была подчиняться Артуру, а сам Артур – мне. Такая вот иерархия выделась мне в радужных снах и сладких грёзах.

Артур же в своих мечтах главную роль отводил себе, а меня видел на вторых ролях, но меня это не особо-то и расстраивало. Пускай дитя тешится, а там видно будет.

Чтобы не привлекать ненужного внимания к нашим скромным персонам, мы решили официально брак не регистрировать. В наших высоких отношениях пресловутый штамп в паспорте – пустая формальность, за которой ничего не стоит и стоять не может.

Сердечной привязанности штамп не помогает и не мешает, а значит, смысла не имеет.

Что касается материальных ценностей, то здесь главное всего – слово купеческое, нерушимое. В самом деле, не через наш же суд, самый гуманный в мире, мы будем – в случае чего – делить нашу криминальную империю и миллионы на тайных счетах!

Ну, а что касается самого интересного вопроса – кто в доме хозяин, кто из нас главное и в каких вопросах, – то здесь официальный брак и вовсе ни при чём. Здесь всё определяется на уровне тонких материй: интуиции, подсознания, лидерства и прочего, что приборами пока что не определяется.

Артур, конечно, был уверен, что главный – он, и на том только основании, что он – мужчина. И ладно. Я не люблю быть на виду. Мой драйв – власть реальная, а не показная. Мы, бабы, давно всё поняли. А сомневающимся я советую обратиться к фольклору.

Русский вариант: «Муж – голова, жена – шея. Куда шея захочет, туда голову и повернёт».

Вариант украинский: «Як батько скаже, так по-маминому і буде».

Так и в нашей семье повелось: я подкидывала Артуру несколько решений проблемы – дескать, вот, милый, не знаю, что и выбрать, – а он, в полной уверенности, что, несмотря даже на весь мой недюжинный ум, я всего лишь женщина (а бабы, как известно, дуры), милостиво соглашался подумать и из всех предложенных мною вариантов выбирал самый, на его взгляд, правильный. То есть тот, который и был мне нужен. Но проблему-то решил он! Как бы. И каждый раз он мысленно возлагал себе на голову лавровый венок победителя всех драконов.

Так он и ходил победителем – весь в лавровых листьях, как бакалейщик. И меня это устраивало, поскольку я в таких благодатных условиях вытворяла, что хотела.

А хотела я сделать Артура ещё более богатым человеком, потом продвинуть его в премьер-министры, потом – посадить на трон. В смысле – в президентское кресло.

Планами своими я могла поделиться только с Генриеттой. Она охотно выслушивала меня, сочувственно кивала и отвечала цитатой из фильма «Золушка»: «Жаль, королевство маловато, – разгуляться мне негде!»

Зато сама Генриетта, получив доступ к «высшим эшелонам власти», то есть в Верховную Раду, уже разгулялась вовсю! Весь депутатский корпус был к её услугам, был у её ног! Сражённые наповал неземной Женькиной красотой, депутаты наперебой предлагали ей любовь, дружбу, покровительство, а порой даже руку и сердце. Ну, от таких дорогих подарков Женя благоразумно отказывалась, и убитые горем нардепы несли своей богине дары попроще – ну, шубку там соболью, кабриолетик последней модели, кольцо алмазное, – в общем, обходились малой кровью.

В парламенте нашем закулисная жизнь забурлила необычайно: павшие к Женькиным ногам соревновались в щедрости и изобретательности, а те, кто перед чарами устоял, подбадривали марафонцев и делали ставки. Тотализатор работал вовсю!

Красавица моя из элитной проститутки превратилась в симбиоз гетеры и гейши. Она уже не зарабатывала себе на жизнь, а просто жила жизнью шикарной женщины. Новые поклонники были уверены, что деньги у неё были всегда, и в большом количестве, а потому с мизерными дарами не совались.

Если Женя собиралась на премьеру в театр, она беспокоилась вовсе не о билетах, а о наряде. Выбрав платье, она спутника выбирала именно к платью: чтобы гармонировал. И сообщала ему, что идёт с ним в театр. Обезумевший от счастья избранник из-под земли доставал лучшие места и весь театральный вечер чувствовал себя королём. Ещё бы, сама Генриетта удостоила его такой чести – позволила сидеть с ней рядом, и весь театр это видит! А если присутствует телевидение, так и вся страна может это наблюдать. А электорат его в рабочих посёлках и глухих хуторках у экранов просто обмирает от восторга: наш-то, наш – сокол, орёл! Какую кранию отхватил! Выберем его снова, непременно выберем!

А если королеве Генриетте приспичило, допустим, в круиз, она просто давала об этом знать. И тут же начинались тараканьи бега! Лайнер, правда, никто для неё не закупал – жлобьё, что говорить! – но как-то пришлось рассыпать уже готовый круиз и пустить по этому же маршруту такой же круиз, но уже от другой фирмы. А почему? Да просто потому, что депутату не удалось купить каюту класса «супер-люкс». Её успел купить другой депутат. Тоже, кстати, для Женьки. Но второй поклонник оказался круче, старый круиз отменил, новый назначил, и первым схватил вожаделенную каюту.

Мы с Женькой так веселились, наблюдая за этой мышшиной вознёй в подполе! Или подполье? Женька, кстати, ничего не потеряла. Она поплыла по тому же маршруту, на том же теплоходе и даже в той же каюте! Ну, спутник другой, – подумаешь, большое дело!

Зато спутник этот шустрый полгода потом королём ходил. До следующего Жениного отдыха. И все эти полгода мужики его очень уважали.

Я предложила подружке поставить это дело на коммерческие рельсы. Торговать своим имиджем – или сдавать его напрокат – ради имиджа чужого. Хочет, допустим, мелкий человечка стать заметной фигурой – нет проблем! Женя разок-другой появится с ним на публике – уже его заметят! А отдыхать с ним съездит – всё, карьера сделана, бывшее пустое место превращается в уважаемого человека.

Но Женя к моей идее отнеслась прохладно:

– Это понизит мой статус.

– Это какой же у тебя такой особый статус?

– Статус недостижимой мечты, недоступной богини...

– Так уж и недоступной, – фыркнула я.

– А то! Сейчас я могу *позволить* поклоннику сделать мне что-то приятное, особенно в материальном смысле. И мне прибыль, и человечку радость. А ты хочешь его этой радости лишиться?

– Так другая радость его ждёт: всенародное уважение.

– Не факт. Если станет известен прейскурант на мои услуги такого рода, то сами услуги уже не понадобятся. Если я назначу, скажем, за выход в свет со мной под ручку цену в штуку баксов, а за уик-энд под прицелами телекамер – штучек пять-десять, то никто на это уже не поведётся.

– А кто узнает?

– Все узнают. Сразу же. Слушай, Нинок, я что-то запуталась. Кто из нас умная, а кто – красивая, а?

Умыла. Не придерёшься. И в самом деле, что это я болтаю? Хочу низвести общепризнанную богиню снова до уровня проститутки с твёрдыми расценками? Фи, Нина, стыдись!

А насчёт того, кто умный, а кто красивый... Я действительно серьёзно взялась за свою внешность, радикально её изменив.

Для начала я свои волосы мышшиного цвета перекрасила в медно-золотой и сделала стильную стрижку «мальчик-паж». Причёска эта украсила меня необычайно. К причёске я подобрала гардероб, к гардеробу – обувь, к обуви – походку, к походке – манеры и даже взгляд. Так и цеплялось одно за другое, пока из моего серенького кокона вылетела – ну, не бабочка-красавица, подобная Генриетте (таких, как она, и на свете-то не бывает, разве только в особо шикарных мультиках и компьютерных играх), но вполне симпатичный мотылёк из меня всё-таки получился.

Так неужели права народная мудрость, поучающая, что чем больше красоты, тем меньше ума? Даже Генриетта меня перемудрила, надо же... Да, но её-то красота на убыль не пошла! Значит, нет прямой связи?

От жизни я получала удовольствие по полной программе: косметические салоны, шейпинг, маникюр-педикюр, для поднятия настроения – поход по бутикам меховым, ювелирным и прочим. И чего я раньше себе отказывала в таких простых и доступных удовольствиях?

Конечно, раньше я не могла легализовать деньги, потому вела серый и скучный образ жизни, пребывая в полной уверенности, что все эти дамские радости – удел моей невестки Стеллы, подруги Генриетты и прочих красавиц. Но дело даже не в легализации денег. Раньше я просто не знала, какой это кайф – лёгкие, волшебные руки косметички, персональный бассейн с почти стерильной водой, кружевное бельё, невесомая шубка из нежной мышки шиншиллы...

Действительно, жить – хорошо, а хорошо жить – ещё лучше. Кто бы спорил...

Артур с удовольствием потакал всем моим дамским капризам, но как только я заводила речь о его политическом будущем – замыкался и ошетикивался.

– Почему, Артурчик?

– Не время ещё.

– А когда будет время?

– Не знаю пока. Отстань. Возьми лучше денег, сходи в магазин, купи себе шубу.

– У меня уже есть две!

– Подумаешь, две! У меня вот четыре помощника, у каждого из них – по жене и любовнице, и у каждой из этих дам – по четыре шубы. А у тебя – только две. Мне даже как-то неловко перед подчинёнными.

– А передо мной?

– Что – перед тобой?

– Передо мной ловко ваньку валять?

– В смысле?... – убежал он глазами куда-то в окно.

– Артур! Сейчас, как говорят лётчики, – время принятия решения. Либо мы взлетаем, либо тормозим. Мы живём с тобой уже два года. Изучили друг друга досконально. Я знаю твой потенциал. И знаю твои амбиции.

– Да ну? – развеселился он. – А я вот не в курсе. Просвети меня, пожалуйста, насчёт моих амбиций, потенциала и прочего.

Я скорбно покачала головой. Трусит. Отчаянно трусит. Неужели я так в нём ошиблась? Или дело в другом? Может, я чего-то не знаю?

– Артур, солнце моё, в чём дело? Ты раздумал покорять мир?

– Не раздумал. Но пока и не надумал.

– «Пока!» – взорвалась я. – У тебя что, в запасе ещё две жизни?

– Ниночка, ну пожалуйста, возьми деньги, Генриетту, пройдишь по магазинам – глядишь, сердце и успокоится, – взмолился он.

– Чьё? Твоё? Моё-то не успокоится. Упускаем время, упускаем возможности – одну за другой.

– Слушай, хватит! – разозлился он. – Хватит переставлять мне ноги. Я пока что не инвалид. И свою карьеру сделаю сам.

– Ой ли...

– Не понимаю твоей иронии. И что это именно сегодня тебе приспичило заняться моей карьерой?

– Радость моя, опомнись! Ты уже который год буксуешь на месте. Нет движения вперёд, нет прогресса, понимаешь? А отсутствие прогресса – уже регресс.

– Так уж и регресс... – пробурчал он, шаря глазами по полу.

– Тебя же не будут избирать десять сроков подряд. Придётся уступать место у кормушки следующим претендентам. И что тогда? Министром не станешь, премьером – тем более, из депутатов вылетишь, о президентстве тогда и мечтать нечего!

– А я, может, и не мечтаю...

– Что-о?!.

Такого прямого удара в солнечное сплетение я не ожидала. От неожиданности даже дышать разучилась.

– Это как же ты не мечтаешь о политической карьере? А о чём же ты мечтаешь? Пчёл разводить? Помидоры на даче поливать? В гроб живым улечься? То-то соперников порадуешь!

– Да бог с ними, с соперниками этими, Нин! Давай мириться. Что, денег у нас мало, что ли?

Так. Он отказывается от борьбы за власть. Вот так номер! Жил, жил – и помер. Тогда что здесь делаю я?

Я встала из своего любимого кресла-облачка, прошлась по комнате, выглянула в окно, полюбовалась бесформенными лужами. Потом подошла к Артуру и встала перед ним – неумолимая, как судьба.

– Артур! Ты, конечно, уже большой мальчик и сам знаешь, что тебе надо, а что – не очень. Я просто хочу тебе напомнить, что путь к вершинам – это дорога в одну сторону. Назад дороги нет. И на месте стоять тоже нет никакой возможности. Другие затопчут. Те, кто уже сейчас тебе на пятки наступает. Они-то прут в гору будь здоров! С неугасимой надеждой, нерушимой верой первых христиан и с пробивной силой бульдозера. И уж будь уверен, эти шагающие экскаваторы с особенным удовольствием прошагают по твоему трупу. Политическому или физическому – не суть важно. И денег нам надолго не хватит, потому что деньги у тебя просто отберут. Сам знаешь. И новых не дадут заработать, поскольку бизнес отберут тоже. И последнее: я просто вынуждена буду сказать тебе сакраментальную фразу: «Прощай, наша встреча была ошибкой». Я жила с тобой два года, и всё это время я готовила трамплин, с которого бы ты улетел выше всех и дальше всех. Я думала, именно это нас и спасло. А теперь, когда всё готово, когда осталось просто сделать шаг и сказать: «Поехали!» – именно теперь ты позорно отползаешь в кусты. Я зову тебя на вершину Олимпа, потому что именно там нам обоим место, а ты тянешь меня вниз, в болото, и говоришь, что болото лучше, потому что там тепло и мокро. Так вот, по мне уж лучше простудиться на ветру Олимпа, чем раскиснуть в болотной тине!

Произнеся эту прочувствованную речь, я круто развернулась и пошла к двери, печатая шаг.

Однако у выхода остановилась и произнесла вполголоса:

– Надеюсь, в следующий раз я сделаю правильный выбор и уже не ошибусь так, как ошиблась с тобой.

Я ушла в зимний сад. По дороге заглянула на кухню и попросила Люсю, нашу повариху, принести мне туда чашечку зелёного чая.

Люся принесла мне целый поднос угощений: и песочное печенье, и крошечные пирожные безе (в этом деле ей нет равных!), и шоколадки разных сортов – от снежно-белой до ярко-чёрной. И насчёт чая тоже не поскупилась: я просила чашечку, а она принесла внушительный чайничек. Ай да умница! Мне надо снять напряжение, расслабиться, вот я и расслаблюсь! Говорят, шоколад способствует выработке эндорфинов – гормонов счастья. Но у меня эти эндорфины вырабатываются от одного вида Люсиных безе. А она, Люся, всё надеется раскормить меня до нормальных человеческих размеров. Но это тот самый безнадёжный случай, когда говорят: не в коня корм. В еде я себя не ограничиваю, а в размерах не увеличиваюсь.

Поэтому я с аппетитом поела и пирожных, и печенья, и орехово-изюмных шоколадок, запила это чаем из своей любимой антикварной чашечки средневекового японского фарфора. И жизнь опять засияла радужными красками.

А пока я пила чай и любовалась резными лопухастыми листьями моей любимицы монстеры, Артур имел возможность спокойно всё обдумать. Я надеялась, что он примет правильное решение. Но особого волнения не испытывала, поскольку решение я подсказала ему только одно. Так что выбора у него всё равно не было. Или я уйду и раскручиваю кого-то другого (а кого, Господи?), или он перестает хандрить и идет со мной рука об руку к нашему общему светлому будущему. Такой вот выбор.

И Артур меня не подвел. Он пришел в зимний сад, взял с подноса шоколадку и долго стоял у окна, созерцая дождь и лужи в свете фонарей, по периметру освещающих наш пряничный домик.

Потом сказал:

– Обожаю эту комнату. Особенно в плохую погоду. Уютный тропический уголок посреди вселенской слякоти.

– Что ты решил? – тихо спросила я.

– Решила ты. Мне остаётся только подчиниться.

– Но это твоя жизнь. И твой карьера. Можешь отказаться.

– Могу ли?... – грустно улыбнулся он. – Ты так красочно живописала мою безденежную и вообще безрадостную старость...

– Не расстраивайся. До старости дело может просто не дойти.

– Спасибо на добром слове.

– На здоровье. Артур, ты явно чего-то боишься. Поделись, я успокою.

– Там, на вершине Олимпа, постреливают...

– И только-то? – изумилась я. – Ну, так я тебя утешу: внизу постреливают ещё чаще и результативнее. И чем ниже, тем результативнее.

– Делай, что хочешь. Может, и правда, ты станешь моей Хиллари, а я – твоим Биллом?

Он сел рядом со мной на диван, откинулся на спинку и закрыл глаза. Я погладила его по руке, потом прижалась к его голове щекой и прошептала:

– Всё будет хорошо. Это просто осень, дождь, слякоть, вот и хандра. Завтра дождь кончится, выглянет солнце и наступит счастье.

Вечер мы закончили в спальне – в полном согласии, очень мило и нежно.

А утром он сказал:

– Я решил: никакой гонки, никаких битв за место лидера. Я достиг своего потолка. Нет смысла соваться туда, где меня не ждут.

Я, ещё не вполне проснувшись, зато уже вполне ошалевшая от такого заявления, хрипло спросила, зевая:

– Ты считаешь, там ждут кого-то конкретного? Думаешь, там вообще кого-то ждут?

– Не знаю и знать не хочу.

– А я знаю. Ни одна вершина не ждёт никаких покорителей. Не нужны они ей. Она просто существует в природе. А на ней всегда копошатся какие-то козявки. И время от времени кто-то оказывается на вершине. Кто конкретно – паучок ли, птичка или венец природы – вершине плевать. Не плевать только этому существу. Благодаря вершине оно может на какое-то время оказаться наверху. Но паучка может сдуть ветром. А венец природы, оказавшись на вершине, может хлопнуться в обморок от осознания собственного величия, а может, скуля от страха, отползает вниз. Но вершина так вершиной и останется. Она – единственная, а соискателей – легион. Чего ей обращать на них внимание?

– Хм-м... Ну, и что означает сия аллегория?

– А ты подумай. Потренируйся в мыслительном процессе. А то совсем башкой ослаб, в пенсионеры записался.

Я пошлёпала в свою ванную и долго нежилась под тёплым душем. Дала Артуру время для размышлений.

После душа я завернулась в длинный махровый халат и вернулась в спальню.

– Очень не хочется говорить, но приходится. Итак: прощай, наша встреча была ошибкой. Я сегодня же съеду и больше не буду изводить тебя своими несбыточными прожектками.

– Кажется, я понял. Вершина – это ты?

– Точно. А вас, соискателей, – миллион. Тебе Фортуна подсунула уникальный шанс. В виде моей скромной персоны. Но ты не сумел воспользоваться. Не смею тебя осуждать. Прощай, и если навсегда, то навсегда прощай! К родителям переселяться не буду, воспользуюсь пока одной из гостевых квартир. Развод нам оформлять не надо. Видишь, как удобно всё складывается!

Я не спеша собирала вещи в чемоданы. Летнюю одежду решила не брать – когда ещё понадобится! – а вот свитеров и вязаных кофточек натолкала два баула. Мне помогала Люся, которая не могла поверить в серьёзность моих намерений и время от времени шептала мне:

– Ничего, сейчас не выдержит и придёт мириться.

После третьего или пятого раза мне надоело, и я, вынырнув из недр чемодана, сказала, хорошо артикулируя:

– Люся, слово «мириться» здесь не подходит. Мы не ругались, не били посуду, не гонялись друг за другом с колющими и режущими предметами. Просто я решила, что этот человек мне больше не интересен. И это, друг мой Люся, есть непреложный факт. Никто меня не гонит, я ухожу сама, так что успокойся и перестань меня оплакивать.

Когда я уходила, Артур даже не вышел из своего кабинета – того самого, в котором когда-то запугивал меня. А теперь сам так испугался, что там же и спрятался. А может, не выходит специально. Вроде бы демонстрация, но непонятно, чего именно.

Водитель нёс в машину мои вещи, следом ковыляла Люся с убитым лицом, несла целый пакет моих любимых пирожных.

– Люся, что это? – засмеялась я. – Пирожок в дальнюю дорожку?

– Их теперь некому будет есть. Так чтобы не пропали...

– Разумно, – оценила я. – И сразу как-то навевает аппетит. Здравый смысл необычайно способствует пищеварению.

– Так я ж от чистого сердца, – совсем смутилась Люся.

Вот парадокс: Артура бросать совсем не жалко, а Люсю – жалко. Хотя он – аж целый депутат Верховной Рады, а она – простая тётка из деревни, но с необычайным кулинарным талантом. Но депутат, на которого я возлагала столько надежд, оказался мыльным пузырьком и лопнул совершенно неожиданно, а Люсин талант останется при ней навсегда. Вряд ли она сможет разочаровать меня так, как сумел это сделать Артур Корнеев.

Переехала я в одну из гостевых квартир, куда обычно мы селим самых дорогих гостей, если им не по нраву гостиничный быт.

Дом полувековой давности, – строили, говорят, пленные немцы, а значит, строили качественно, на совесть и на века. Хороший дом. Высокие потолки, светлые комнаты, мозаичный паркет. Квартира, можно сказать, стандартная, но с изюминкой: сплошь нашпигована подслушивающей и подглядывающей аппаратурой.

Ну, гости ведь у нас бывают разные, неплохо бы знать, чего от них ждать. А то мало ли...

Войдя в квартиру, я первым делом отключила аппаратуру. Это было несложно, поскольку вся «начинка» управлялась с одного пульта. А для большей убедительности я все глазки микрокамер залепила жвачкой. В ванной и кухне камеры были спрятаны за вентиляционными решётками. Ну, демонтировать решётки – дело хлопотное и вообще не женское.

Я решила вопрос иначе: к каждому зарешёченному отверстию прикрепила по странице из яркого глянцевого журнала, которые в изобилии лежали на журнальном столике. Получилось очень нарядно. И вряд ли даже самая мощная камера сумеет разглядеть что-то через плотный журнальный лист.

Конечно, я не собиралась делать в квартире ничего, что могло бы меня как-то скомпрометировать. Но просто терпеть не могу, когда за мной подглядывают. Неуютно и противно. И хотя я без проблем отключила квартирный пульт управления, у меня не было уверенности в полной конфиденциальности моей личной жизни. Ведь данные с этой аппаратуры передаются в штаб-квартиру нашей службы безопасности. Вдруг оттуда можно включить машину-рию без моего ведома?

Чтобы как можно быстрее здесь пообвыкнуться и обжиться, я включила чайник, развесила и разложила в шкафу вещи. Потом проинспектировала содержимое кухонных шкафов. Ну, чай-кофе-сахар-соль, упаковка минеральной воды. На первое время хватит. Захочется домашней еды – вызову Люсю. Она всё купит и приготовит. А вообще-то я собираюсь столовать у Генки.

Генка – этнический немец, из обрусевших ещё при царе Горохе. Но по паспорту он – аж целый Генрих, не как-нибудь!

В детстве был активным октябрёнком, сознательным пионером, в школьном хоре очень душевно пел песни про дедушку Ленина и красоты русской природы. Но пришли новые времена, и Генка свихнулся на почве национального самосознания. Немецкие гены ни с того ни с сего стали бурлить в нём, как дрожжи в самогонном сусле (это его собственное выражение). И с той поры в кругу друзей зовётся он «Гена с генами».

Правда, на историческую родину он пока чего-то не рвётся, говорит: «Да нас и здесь неплохо кормят». А чтобы кормёжка была ещё лучше, открыл он ресторан. Немецкий пивной ресторан. С прославленным немецким пивом, добротной немецкой кухней. Одна только запечённая свиная ножка чего стоит! Шедевр кулинарного искусства...

Вспоминая об этих вкусностях, я сладко зажмурилась и чуть слюной не захлебнулась.

Позвонила Генриетте. Она долго не брала трубку. Но я не просто настойчивая, я упрямая. В конце концов поединок характеров выиграла я, и ей пришлось-таки снять трубку.

– Ал-ло-о... – сонно пропела она в надежде, что звонит очередной сказочный принц.

– Не напрягайся. Это всего лишь я. Увидеться надо.

– Я же в постели ещё! – возмутилась Женя.

– Так вылезай оттуда, собирайся. Петушок пропел давно! Тебе сколько времени на сборы понадобится?

– Ну, как это принято у великосветских людей: принять ванну, выпить чашечку кофе...

– Двух часов хватит?

– Вполне.

– Тогда валяй, действуй! Ванну прими, кофе попей, сумочку собери: ну, помаду там, пистолет, наручники...

– Какие наручники? – испугалась Женя. – Нет у меня...

– Ну, нет – и не надо. Это у меня юмор такой. Чёрный. Зато ты окончательно проснулась, по голосу слышу! В общем, так: встречаемся в двенадцать часов в «Кайзере», у Генки. И пожалуйста, оденься поскромнее, чтобы на тебя люди не пялились. Разговор у нас будет серьёзный.

Я тут же положила трубку, чтобы избежать ненужных расспросов. Вот увидимся, всё ей и объясню.

А чтобы не дать подружке возможности перезвонить мне, я тут же снова заняла телефон. Позвонила Генриху и сказала, что мы с его тёзкой решили его осчастливить где-то в районе полудня. И вождеееем фирменных свиных ножек с самым лучшим пивом.

Он от радости сплясал у телефона немецкий народный танец «гопак» (а в Киеве все немцы поголовно по любому поводу танцуют гопак!) и заверил меня, что ножками займётся лично. Сначала свиными, потом – Женькиными.

Хороший парень Генрих! Меня судьба свела с ним на антикварной почве. Когда он задумал открывать свой ресторан с громким названием «Кайзер», деньги у него, как это часто случается, кончились ровно на середине марафонской дистанции. Бросать задуманное и уже наполовину сделанное дело было жалко, а продолжать – денег не было. И тогда Генка отважился покуситься на святое: задумал родину продать.

С исторической родины его прапрабабушка привезла своё дамское счастье: столовый сервиз и изрядное количество безделушек драгоценного мейсенского фарфора. Удивительно, как это всё сохранилось в пламени революций, эвакуаций и прочих неприятностей. Но сохранили, не разбили, не потеряли, не проели в голодные годы, и из поколения в поколение умилялись этому кусочку исторической родины.

И вот праправнук решил спустить прапрабабушкино приданое, нисколько не мучась угрызениями совести. Он искренне считал, что ресторанное возрождение немецкого духа на православных землях важнее дурацких фарфоровых пастушек и собачек. И после долгих походов по различным антикварным салонам и многочисленных консультаций со «знающими людьми» он в конце концов вышел на наших скупщиков, поскольку его очень порадовала предложенная цена.

Наши эксперты, обозрев всю коллекцию целиком, прямо ахнули и скупиться не стали. Тем более у Артура как раз давно уже висел заказ на «мейсен». Наварили мы на этом заказе так хорошо, что я на радостях заказала копию сервиза хорошему мастеру и подарила этот сервиз Генриху на открытие ресторана (честно предупредив, что это всё-таки копия). Он выставил сервиз в пуленепробиваемой витрине, очень украсив этим ресторан, родители так и не узнали о подмене, а Генка навеки стал моим преданным другом.

Вначале я посещала его ресторан из вежливости и желания полюбоваться собственным подарком в витрине. Потом «подсела» на фирменное блюдо – свиные ножки. А потом как-то привела с собой Женю. Генка её как узрел – всё, умер, пропал человек!

Заикаясь от счастья лицезреть такое диво в своём ресторане, он подошёл знакомиться, назвался, конечно, Генрихом (для солидности), а узнав, что райскую гурию зовут не как-нибудь, а именно Генриеттой, едва не лишился чувств-с от радости и гордости. По всему выходило, что они с Женькой – тёзки. Генрих и Генриетта!

Надо же, а я и не сообразила...

С тех пор он стал с удвоенным радушием зазывать меня в гости, каждый раз надеясь, что я приведу с собой подругу. Иногда так и происходило.

Вот и сегодня ему праздник выпал.

Времени до полудня ещё было больше часа, делать в квартире было нечего, и я пошла прогуляться. Купила телефонную карточку, сделала несколько необходимых звонков из автомата. Ни квартирному телефону, ни собственному мобильному я с этого дня не доверяла.

На моё счастье, дождя сегодня не было. Я целый час бродила по улицам, обходя подсыхающие лужи. Думала, думала, думала. Прикидывала. Планировала. То ужасалась смелости своих мыслей, полёту фантазии. То, наоборот, корила себя за нерешительность и мягкотелость. И всё думала, думала. Чуть на свидание не опоздала.

Женя уже сидела в «Кайзере», раздумывавшийся Генка сидел рядом, чуть ли не на коленях у неё, и ворковал ей что-то в божественное ушко.

– Простите, что нарушаю идиллию, но жрать хочу, как серый волк! – я плюхнулась напротив Женьки.

Генрих наконец-то заметил меня, удивился, поменял цвет щёк с розового на кумачовый и заверил, что, мол, «сию секунду-с».

Он щёлкнул пальцами, и две расторопные официанточки тут же уставили наш стол блюдами и пивными кружками. Еды здесь было человек на двенадцать.

– Куда нам столько, Ген? – ужаснулась я. – Мы рассчитывали только на ножки с пивом...

– Всё это – за счёт заведения. Я угощаю! – подбоченился он.

Как будто это что-то меняло...

Я стала оправдываться:

– Видишь ли, я даже за чужой счёт не смогу съесть больше обычного...

– Ничего, я тебя выручу, – проворковала Генриетта, ласково поглядывая на своего тёзку.

А тот весь лучился и прямо сознание терял от радости. Еле-еле догадался уйти.

– Зачем ты этого кролика влюблённого приживаешь? – зашипела я на Женьку. – Не твой же масштаб!

– Почему это «кролика»? – удивилась она.

– Ну, известно же, какие любвеобильные существа кролики. Он зайчиком влюблённым вокруг тебя скачет, слюни пускает. Небось, на взаимность надеется.

– Уже, – скромно опустила глазки Женя.

– Господи! – сказала я в сердцах и прибавила ещё пару слов из запрещённой лексики. – Так вот он чего на ручки к тебе запрыгнул!

– Ну, он же такой маленький, худенький. А я вон какая большая! Вот и приголубила...

В общем, Женька продолжала голубить всех без разбору. Ну, такова её сущность, что поделаешь...

У меня от голода и собственных революционных мыслей даже руки дрожали. Так что съела я дармовых вкусностей куда больше, чем собиралась. Почти наравне с Женькой. И только после этого обрела возможность связно соображать.

– Ты поговорить хотела? – первой опомнилась она. – Говори, я уже не буду есть, а буду только слушать.

– Сейчас. Кофе только допью. С духом соберусь.

– О-ой! – засмеялась Женя. – «С духом соберусь»! Ты не войну ли Америке собралась объявлять?

– Зачем мне война с Америкой?

– Ну, как в народе говорят: чтобы тут же сдаться им в плен и зажить по-людски.

– Больно надо! Нас и тут неплохо кормят, – повторила я любимое Генкино изречение.

– А чего же ты выглядишь воительницей Жанной д'Арк?

– А что, заметно?

– Ну, в общем-то...

– Неприятности у меня, Жень. Пойдём на улицу, там поговорим.

– А здесь нельзя? – огорчилась разомлевшая от еды Женька.

– Чёрт его знает... И стены имеют уши. Лучше не рисковать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.